

**«ЗАМЫСЛОВАТЫЙ БРОДЯГА»
(СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО БАСТИЛИЙСКОГО УЗНИКА ИВАНА ТРЕВОГИ)**

© 2011 Р.В. Кауркин

Нижегородский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 03.03.2011

В 1783 г. русский подданный И. Тревога стал выдавать себя за голкондского принца. Был посажен в Бастилию, а затем переправлен в Санкт-Петербург, в Тайную экспедицию Сената. В статье анализируется следственное дело, которое сохранилось в фондах РГАДА.

Ключевые слова: И. Тревога, Бастилия, Тайная экспедиция Сената, русский посол князь И.С. Борятинский, королевский советник де Лонгпре, комиссар П. Шенон, генерал-полицмейстер Леноар.

Весной 1783 г. в Бастилию был доставлен из русского посольства в Париже обвиненный в воровстве молодой человек, который называл себя поначалу Иваном Тревогой, а затем стал утверждать, что он наследный голкондский принц. Вскоре его под строгим караулом доставили в Россию и поместили в Тайную экспедицию Сената – орган политического сыска. Первая научная публикация этого дела относится к середине XX в.¹ В 80-е -90-е гг. в научный оборот был введен значительный массив документов, связанных с И. Тревогой.² В 2007 г. ему была посвящена заметка в историческом путеводителе по русским утопиям.³ В целом восстановлена и описана биография И. Тревоги, частично опубликованы его проекты, проанализированы литературные сочинения. В ряду этих публикаций качественно выделяются работы А.Л. Топоркова и Е.Е. Дмитриевой, в которых представлен текстологический анализ двух автобиографий Тревоги, одна из которых была написана также и по-французски.

Наряду с этим особый интерес представляет само следствие, которое проводила французская полиция по делу И. Тревоги. На первом пронумерованном листе дела, которое хранится в фондах РГАДА, после обложки написано: «По реляции к Ея Императорскому Величеству от пребывающего в Париже министра князя Борятинского о арестованном там малороссиянине Иване Тревогине, которой оказался в краже и вымышленное названии себя азиатском принцем и о посадении его на два года в смиренный дом». Датировано июлем 1783 года.⁴

Во Франции это дело квалифицировалось как уголовное – кража чужого имущества, за которое грозила смертная казнь. В России же оно

рассматривалось как политическое. Переквалификация произошла в силу целого ряда объективных (например, побег за границу) и субъективных (подследственный выдавал себя за некоего наследного принца) причин.

В своем донесении «генерал-поручик Ордена святыя Анны кавалер и полномочный министр при Его Христианнейшем Величестве Короле французском» князь Иван Сергеевич Борятинский писал Екатерине II, что в феврале-месяце «представился ко мне» в крайне бедном состоянии малороссиянин Иван Тревогин (л.2), который рассказал, что прибыл в Париж из Голландии, где был «на службе солдатом под названием француз-за по имени Франсуа la Fondre» (л.2 об.).

Данное обстоятельство не могло не вызвать определенного рода подозрения, и поэтому кн. И.С. Борятинский попросил незваного посетителя более подробно рассказать, каким образом он оказался на чужбине. В ответ Иван Тревога поведал «следующую басню»: «Родом он Малороссиянин, житель города Харькова, в малолетстве обучался в Киеве. По окончании своих наук был в Воронеже директором одной школы, из сего города была ему нужда ехать в Черкессы, на пути напали на него разбойники [а на каком месте, и какие они люди, сказать не знает], его связали и чрез Кубань отвезли в Смирну, где на торгу продали его туркам; Он от сего турка нашел способ уйти на Голландской корабль; шкипер сего судна скрыл его у себя, и привез в Голландию, где он взял службу солдатом; из Голландии отправлен был на купеческом корабле в Мартиныку; туда пришед сведения, что здесь заключен мир; тот корабль на котором он находился, возвратился паки в Голландию. Сюда же он пришел с тем дабы меня просить отправить его в Россию» (лл.2 об.-3).

Услышанное вызвало у дипломата целый ряд вопросов: где и как И. Тревога попал в неволю? Кому и при каких обстоятельствах был продан?

*Кауркин Радислав Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета.
E-mail: rad-kaurkin@mail.ru*

Каким образом он так скоро оказался в Париже? – «...ибо по изчислению времени быть того не может. Мирные прелиминарные пункты здесь подписаны 20-го января а он со мною разговаривает в феврале». Задав несколько уточняющих вопросов и не получив на них сколько-нибудь правдоподобных ответов, князь Борятинский сделал вывод: «что он (т.е. И. Тревогин – *Р.К.*) конечно человек непорядочного поведения» (л.3 об.).

Несмотря на это, вероятнее, в силу своего человеколюбия и добросердечия, екатерининский чиновник отдаст распоряжение снабдить явившегося к нему российского подданного «с помощью наших здесь соотчичей всем нужным, сходственно с его состоянием и до отправления первых отсюда кораблей, на счет Государственной Коллегии Иностранных дел, определил ему по двадцати по четыре копейки на день кормовых денег» (лл.5 об.-6).

Беднейшее состояние, застенчивость и скромное поведение И. Тревоги вызвали сочувствие и сострадание у посольского актуариуса П. Дубровского – «человека жития добропорядочного». Он предложил «полномочному министру» определить своего земляка (Дубровский тоже был малороссиянином) в один из предместных парижских пансионеров, в котором проживал сам и где, по его словам, «верность и спокойствие пребывает совершенное так, что все пожитки хозяина и пансионеров в поставцах и сундуках бывают почти незаперты» (л.6). И.С. Борятинский поддался этим уговорам, и И. Тревога был заселен в «пансион» аббата Ванье. Помимо «малолетних пансионеров» там проживали и взрослые разных сословий, волею судеб оказавшиеся в Париже по тем или иным делам.

Содержатель «пансиона» и его постояльцы «имели к нему Тревогину некоторой род уважения, как в разсуждении его бедности, так и от того, что он имеет несколько знаний, и оказывал любопытство к большему приобретению оных. Все сие и продолжалось... от февраля месяца почти до исхода апреля» (л.7). Именно в этом месяце сложилась явно конфузная и крайне неприятнейшая ситуация – у хозяев и постояльцев пансиона стали пропадать ценные вещи: серебряные коллекционные монеты и деньги у Дубровского, серебряные стаканы и ложки у хозяев, серебряная медаль у одного из постояльцев и другое. Обсудив случившееся, все пришли к выводу, что «таковые воровства делаются от посторонних людей», и решили тщательнее запирать на ночь окна и двери.

Все бы так и осталось, если бы в конце апреля не пришел в этот пансион ювелир Вальмон, который «наведывался о состоянии Тревогина, и спрашивал, можно ли ему делать кредит» (лл.7 об.-8).

Заинтригованные столь необычными вопросами, Дубровский и жена хозяина пансиона стали расспрашивать гостя о том, чем вызван подобный интерес. И сколько же было сильно их удивление, когда «сей ювелир отвечивал: Тревогину ему принес рисунок звезд, цепей орденских и самые знаки оных сказал, что имеет приказание от одного азиатского принца по оным рисункам все сии ордена делать напервой момент для пробы из восточных хрусталей и разноцветных камней; что сей принц в скором времени приедет в Париж; и если все сии зделанные орденские знаки будут ему угодны; то по тем образцам все оные зделает из драгоценных камней» (лл.8 об.-9).

Обезумевшими от удивления глазами русский актуариус и французская пожилая мадам рассматривали причудливые медали, ордена и звезды. А чуть позже и вовсе были подвержены шоку, когда ювелир представил перед ними оставленный И. Тревогой задаток: «...изломанную серебрянную ложку... медаль... которая пропала... и ...ложка... была из пропавших в пансионе» (лл.9-9 об.).

Придя в себя, хозяйка «начала было делать шум, дабы Тревогина взять под караул, яко домашнего вора». Однако Дубровский отговорил ее от подобного шага, заплатил за все пропавшие вещи и строго-настрога наказал не говорить ни о чем своему земляку, когда тот вернется домой. Бдительный посольский чиновник за банальной бытовой кражей увидел дело политической важности – государственную измену.

И, как оказалось позднее, был прав, если и не по сути дела, то по его форме. Это явствовало из показаний Вальмона, данных русскому послу и французскому полицейскому инспектору: «Ювелир... отвечал: оные ему заказаны делать для одного азиатского Владетеля, чрез Россиянина, по имени Тревогин... Сей комиссионер называл сего Владетеля Государем над Козаками, который вскоре будет в Париже; что он и вся его свита носят козацкое платье... что козацкие области весьма обширны и богатства того государя неизчислимы. В продолжении сих разговоров вынул он Комиссионер из кармана план дому... Я оной зделал здесь по повелению того принца... он здесь намерен прожить более двух лет, что для него... никакая сумма важною быть не может, в разсуждении неисчисленного богатства... Потом де он (т.е. Тревога – *Р.К.*) отозвался: Я еще позабыл вам заказать зделать скипетр и державу; и взяв у меня карандаш... оные в малой пропорции начертил, – и далее, – я должен иметь свидание с нашими банкирами и оттуда идти понуждать мастеров которым заказаны мною делать инструменты для битья монеты. Вот все, что я слышал от сего Комиссионера, заключил ювелир» (лл.11-13).

Прибывший в канцелярию князя Борятинского И.Тревога долго отрицал все выдвинутые против него обвинения, а про Вальмона заявил, что тот возводит на него напраслину и хулу, т.к. упоминаемые им рисунки он рисовал по просьбе пансионских школяров. После же резонного замечания посла о том, что эскиз очень похож на русский орден апостола Андрея Первозванного,⁵ а цепь к нему украшена императорскими гербами, И.Тревога «стал мяться и путаться в словах так, что никакого смысла почти вынести было невозможно. В сей момент я (т.е. И.С. Борятинский – Р.К.) ему показал все те рисунки и вылитые модели. Робость его преумножалась, однако тотчас стал мне отвечать: Я признаюсь в том виноватым... но конечно ни в каком худом намерении противу России – а я имел сие приказание от одного Персидского Принца... с которым я свел знакомство в королевской библиотеке» (л.15 об.). Посол не поверил этому, т.к. изготовленная печать явно ассоциировалась с российскими аналогами «императорского герба, на подобие такового, каковой употребляется при грамотах, патентах и пр...» (л.471 об.). Она представляла собой изображение двуглавого орла, вписанного в круг.⁶ Над орлом нависала корона, не соприкасаясь с головами, а над ней – крест по примеру мальтийского. По краю печати шла надпись «REX ET AUTOCRATOR BORNEI: GRATIA DEI IOHANNES I.» (л.390). В переводе с латыни это означает: «Царь и самодержец борнейский: Божьей милостью Иоанн I». Помимо печати большие подозрения вызвали и эскизы Тревоги.

Рисунок звезды сопровождался подписью «ET IUSTUM EST», которая в переводе с латыни означает «И справедливость есть».⁷ В центре изображен мальтийский крест, между концами которого в верхней правой части нарисован осмиконечный православный крест⁸; в верхней левой – кадуцей (?), вероятнее всего, несущий смысловую нагрузку о гарантии владельцу неприкосновенности⁹; в нижней части – два морских якоря, которые в культуре барокко означали - «спасение и вера»; в центре по кругу прописано на латыни «DIGNUM», что означает «Достоинство (честь)» (л.405). К звезде предполагалась цепь с двуглавыми орлами и замысловатым бантом с драгоценными камнями (лл.406, 407).

На следующем рисунке был представлен орден «означенной литерами тако: S.IOHANNES» (л.408). Под большой императорской короной, которая венчает круг с надписью «PRO FIDES PATRIA FIDELITAS. ET PRO AMORES»¹⁰, помещен мальтийский крест, очень схожий с описанным выше. В его четырех концах написаны буквы латиницы: в верхнем – S; в правом – IO; в

нижнем – HAN; в левом – NES. Между концами слева вверху слабо прорисован кадуцей, слева внизу – основание якоря. Во всех четырех пространствах между концами изображены расходящиеся трехсоставные лучи. На другом эскизе были изображены и другие награды: «Два малые крестика, в коих: в одном изображено всевидящее око, а в другом кажется образ человеческой. Третий орден в малой пропорции С-го Иоанна». И, кроме этого, рисунок эфеса сабли в виде орла с императорской короной (лл.409, 471)¹¹.

Доводы князя о том, что персиянам не подобает иметь императорских гербов и корон и что они не могут почитать христианских святых, не вразумили И. Тревогу: «Сей замысловатый бродяга паки стал... отзываться что сие... не в злоумышление противу России». Он продолжал настаивать на том, что все им сказанное «относительно до персидского принца есть самая сушая и истинная правда» (лл.16-16 об.).

Утомившись от лжи и вконец изверившись, князь Борятинский отдаёт распоряжение о передаче И. Тревоги в руки французской полиции. После соблюдения ряда процедур полицейский офицер приказал задержанному следовать за ним.

Реально осознав перспективу быть посаженным в тюрьму, И. Тревога с отчаяньем требует вновь отвести его к князю, которому «всю уже истинную и настоящую правду о себе скажет» (л.19). Не смея преступить человеческую жалость, а ещё больше, видимо, желая докопаться до истины, И.С. Борятинский благосклонно согласился на встречу. Вот как она представлена в его реляции: «Сей бродяга упал пред моими ногами и с плачем сказал мне: я пред вами признаю себя виновным, ибо все то, что я вам сказывал и отвечивал нет ни одного слова, которое было бы справедливо. Я родом не Россиянин, а иноверец, сын Голкондского Короля. Зять наш, после смерти моего отца меня и брата в малолетстве выгнал из нашего государства и мы были проданы туркам, с оными были мы с братом в прошедшую войну противу России, и на одной баталии [но на которой, и в каком месте того я неупомню] взяты мы были в полон, и я в России был пленником четыре года, откуда паки возвратился в Азию, а оттуда на голландском корабле приехал в Голландию. Что заказные ордены я делаю для моего брата, которой теперь в изрядном состоянии и недавно отсюда поехал в Голландию за деньгами, и мы намерены были отсюда ехать чрез Россию в Персию, а оттуда пробратся на остров Борнео. Тамо заложить город и крепость под именем Иоанния. Знаки же орденские для того делали, чтоб чрез проезжающие земли Персидскому Шаху импозировать» (лл.19 об.-20).

Никакие увещания князя Борятинского

поведать ему правду не возымели успеха. Иван Тревога настаивал, что «последнее его... откровение, есть истинная и сущая правда». На вопрос, «в каком он намерении вырезал печать императорского герба», обнаруженную при обыске, тот отвечал, что «на его печати орлы императорскими почитаемы быть немогут, понеже на главах оных орлов не имеется корона, и всреди герба означены звезды и полумесяц» (лл.20 об.-21). Не смутили его и вопросы о хорошем владении русским и французским языками. И. Тревога стал твердо и последовательно отстаивать версию о том, что он является наследным голкондским принцем. Дело явно зашло в тупик, и русский посол передал его вновь в руки французского полицейского господина де Лонгпре – королевского советника и полицмейстера, «употребляемого по всем делам до иностранных касающихся» (л.141). Офицер доставил арестованного к парижскому генерал-полицмейстеру господину Леноару. Туда же вскоре прибыл и князь И.С. Борятинский.

И.Тревоге вновь был учинен допрос, во время которого он, как и прежде, утверждал, что является индийским принцем, «... отвечал частию то же..., но не теми изречениями, и не тем порядком..., а во многих вещах... делал совсем разные донесения» (лл.23-23 об.). Имея большой опыт общения со всевозможными прохиндеями и не поверив в истинность данных показаний, господин Леноар тем не менее заподозрил опасность для русского престола и французской короны. Он сказал князю И.С. Борятинскому: «... в первом аспекте кажется хотя и баснословная история, но может быть, что есть в оной еще и такое сокровенное, которое подлинно заслуживает внимания. Если вам угодно, продолжал он, я никакого вопроса сему арестанту без вашего присутствия... делать не буду, – и далее, – мы с своей стороны, пред вами наблюдаем всю деликатность и должное уважение...» (лл.24 об., 26-26 об.). Русский посол по достоинству оценил позицию парижского полицмейстера и уверил его, что об этом будет доложено ее императорскому величеству. Он попросил Леноара дать распоряжение допросить еще раз И. Тревогу, «... разпросить о его походе: что же касается до его намерений, то о сем допросов бы ему не делали...» (л.25 об.) и предпринять меры о нераспространении информации о случившемся: «... не для того, что бы сему делу на сей момент придать великую важность, понеже я заключаю, что оно нечто иное есть, как замыслы разстроенной головы; но секрет нужно хранить в разсуждении живности здешней нации, ибо естли сие дело огласится, сплетут тотчас роман» (л.28 об.). Полицмейстер еще раз заверил российского министра, что предпримет все необходимые меры по

сохранению конфиденциальности. В соблюдении тайны были заинтересованы обе стороны – и русская, и французская. Первая – в силу опасения возникновения очередных самозванных проявлений, вторая – по причине возможного нанесения экономического ущерба национальной валюте.

Господин Леноар счел важным поставить русского посла в известность о том, что будет «изпрашивать повеления у Короля... дабы от Иностранного Департамента даны» ему были определенные полномочия и бумаги в Голландию, «...с коими пошлю своего офицера, чтоб от Генеральных Статов требовать выдачи нам упоминаемого в письмах Тревогина друга его Сальгария... потому, что Тревогин ему Сальгарию и писмянно сообщает о зделании здесь инструментов для битья монеты, и что бумажные деньги уже зделаны, и все онаго ремесла мастеровые подговорены. Нам без изыскания сего оставить невозможно; ибо неделаает ли уже сия шайка французской фальшивой монеты» (лл.27-27 об.). Вероятно, именно это подозрение и определило местом заключения И. Тревоги Бастилию.

Согласно дипломатическим правилам русский посланник подробно рассказал о случившемся министру иностранных дел Франции графу Вержену. «Сей Министр... отзывался: Как может войти в человеческую голову сплести таковое баснословие (?). Сего арестанта, говорил он, должно почитать... с разстроеною головою; но совсем тем безточнаго изследования о спознании истинны оставить неследует» (л.30 об.). Вникнув в суть услышанного, граф Вержен написал официальное письмо французскому поверенному в делах в Голландию, «... дабы упоминаемаго Сальгария и мнимаго брата Тревогина требовал он от Голландских Статов» (л.32 об.). Дело приобретало международный оборот, что должно было, несомненно, привести к ухудшению участи русского арестанта Бастилии.

Князь И.С. Борятинский счел нужным поставить в известность обо всем происходящем и статского советника А.И. Моркова (л.31 об.), уполномоченного Екатериной II представлять Россию на переговорах о заключении мирного договора между Англией, Францией и Испанией, прибывшего в Париж в это время.¹²

Однако вскоре дело приняло совсем иной оборот. Через день после визита к министру иностранных дел Франции князь Борятинский встретился с парижским полицмейстером Леноаром. Последний сообщил русскому посланнику, что офицер, который командирится им «с известным поручением» в Голландию, ждет от князя (!) распоряжения и инструкций (л.32 об.). Генерал-поручик, полномочный министр при его Христианнейшем Величестве короле французс-

ком опешил и, вероятно, на какое-то время потерял дар речи. Вот, что он писал позднее: «Показал он господину Леноару мне те графа Вержена письма. В оных написано от сего Министра как к нему господину Леноару, так и к поверенному в делах в Голландию, чтоб арестование Сальгария и мнимаго брата Тревогина требовать якобы по учиненному от меня здешнему правительству представлению, как таких людей, на коих имею я подозрение по некаким делам» (л.32 об.-33).

Придя в себя, опытный дипломат в крайне мягких выражениях ответственвал французскому стражу порядка, что как ему «... помнится о таковых письмах графа Вержена я просил не от себя, а по согласию с ним господином Леноаром об оных только от его имени... Может быть я невнятно ему графу Вержену о сем пересказал, или он худо вслушался... Ибо никак невозможно мне требовать от здешняго правительства, дабы в другом государстве арестовали людей неподданных Франции ни России...» (л.33-33 об.).

Борятинский имел богатый опыт общения с французским министром иностранных дел, знал прекрасно его манеру на словах проявлять себя русофилом, когда по сути был русофобом, о чем ярко свидетельствует спровоцированная им война Турции против России 1768 г.¹³ Посему русский посланник поспешил заявить Леноару: «Итак немогу я согласится, дабы таковыя письма были посланы в Голландию; ибо по оным все сие дело перемениет теперь свое существо. Мы прежде условились, что бы все оное дело вести в крайнем секретере и чтобы Сальгария требовало французское правительство от Голландскаго, яко нужнаго человека имянно для Франции, а не по моему представлению: Естли же таковыя письма были бы посланы в Голландию... неминуемо бы сие разгласилось, и секрет бы сохранен небыл, то и прошу... что бы отправление в Голландию полицейского офицера остановил...» (л.34-34 об.).

Чтобы прояснить для себя сложившуюся ситуацию и выявить суть столь радикального смещения акцентов в этом деле французской стороной, И.С. Борятинский поинтересовался у полицейского чина, по какой причине они оставляют розыск возможного фальшивомонетчика Сальгари? Господин Леноар отвечал: «...они по сему пункту теперь уже удостоверены, что сие объявление Тревогин сделал подлинно ложное» (л.35).

Данное обстоятельство еще больше насторожило русского посланника, т.к. ему доподлинно было известно о том, что следствие еще не окончено, и он «зделал возражение»: «Следовательно оной арестант для них уже стал никак ненужен? В таком случае я прошу, чтобы мне выдали его, яко российского подданного для отправления в Россию» (л.35). Парижский полицмейстер

никоим образом не возражал против этого, однако заявил, что на это требуется разрешение господина министра иностранных дел и короля.

Все окончательно прояснилось для русской стороны во время последующего визита князя Борятинского к графу Вержену. Российский посланник доносил Екатерине II: «Он мне, со своей стороны подтвердил... что Тревогина мне выдадут для отправления в Россию. Причем сей министр еще прибавил, что естли Салгарий и мнимой брат бродяги и впредь будут надобны Вашему Императорскому Величеству, они неоткажутся во всякое время оных отыскать в Голландии. Естли Вашему Императорскому Величеству угодно будет оное им поручить. Мы часто с Республикою по делам такового рода, продолжал он, имеем взаимное сношение, и по сему находим более способов нежели другие державы, подобных бродяг брать их тамо под караул» (л.35 об.-36).

Хитроумный граф Вержен, вероятнее всего, хотел получить некие преференции от самой российской императрицы в преддверии подписания англо-франко-испанского договора, т.к. Россия совместно с Австрией выступала посредником на переговорах в Париже и Версале. Однако прозорливость и дипломатическое чутье русского чрезвычайного посланника, потомка Рюриковичей князя Ивана Сергеевича Борятинского не позволили «худородному» Шарлю Гравье в очередной раз провести российский двор. Несмотря на тяжелую болезнь¹⁴, Борятинский в кратчайшие сроки добился «Королевскаго повеления о выдаче Тревогина из Бастилии» (л.41 об.) и организовал отправку его в г. Руан, где готовился к отплытию в Россию русский корабль.

Поняв, что французская полиция, в силу известных причин, отстранилась от продолжения следствия, он решил самостоятельно предпринять расследование. Ему удалось установить личность и разыскать резчика, к которому обращался И. Тревога. И.С. Борятинский выкупил у него штемпеля для битья монеты и орденского креста, образцы и рисунки печати. Особый интерес представляла заготовка монеты в виде рубля. В материалах дела читаем: «О рубле я его спросил: Точно ли штемпель монеты должен быть зделан по оному? Резчик мне отвечал: именно сей величины, но герб долженствовало быть по рисунку; а о портрете сказано де ему было, что еще оной рисуют» (л.45 об.-46). Данные улики были представлены господину Леноару, который, несколько смутясь, заверил русского посланника в том, что не оставит этого дела без должного внимания и если что-то откроется по нему дополнительно – то он всенепременно сообщит об этом в русское посольство. К чести

сказать, парижский генерал-полицмейстер сдержал свое обещание¹⁵ и передал И.С. Борятинскому все оригиналы бумаг, изъятых у И. Тревоги и материалы всех допросов, которые вскоре были переправлены в Санкт-Петербург.

Одним из первых по делу русского арестанта был допрошен 27-летний уроженец Нормандии Симон Мишель Ванье, который, будучи аббатом, обучал детей в пансионе Фонтена, где и познакомился с И. Тревогой. Поводом для допроса послужило то, что в бумагах «замысловатого бродяги» были обнаружены – «...его Прошение к Тревогину и Латинской Паспорт, которой писан рукою сего аббата» (л.27 об.).

Ванье рассказал следователю, что несомненно знает указанного господина и имел с ним в последнее время частые беседы. Именно во время одной из встреч И. Тревога предложил своему собеседнику перевести на французский язык подготавливаемую им историю жизни принца борнейского. Аббат любезно согласился. В благодарность за это ему было предложено, «от искренности возможнейшего счастья», самолично вручить принцу свой труд, что «послужит к доставлению ему сенаторского места в королевстве Борнео, которое... приносить ему будет двадцать тысяч ливров ежегодного дохода» (л.93 об.). Учитель от такого предложения пришёл в восторг и находился в «величайшем удовольствии», строя всевозможные радужные планы на будущее. Пребывая в эйфории, нормандец вручил малороссиянину около восьми луидоров на «паргаментной лист» для изготовления борнейского «патента», который бы удостоверял вышеназванные договорённости. При очередной встрече И. Тревога попросил доверчивого аббата «переложить на латинской язык» паспорт, который он якобы получил от борнейского короля «яко генерал над войсками Его Величества», с той целью, «дабы он с оным путешествовал по всей России для некоторого дела» (л.94 об.). Более того, как показал при допросе Ванье, он «перевёл также паспорт от Короля борнейского принцу» (л.95). Данный документ, представленный на последующих листах дела, выглядит так: «Божиею милостью Отомат первый, Король и повелитель над всеми борнейцами и проч., и проч., и проч.

Я даю сей паспорт любезному моему сыну Олзаву, желающему путешествовать для обозрения света... дабы он мог иметь везде свободный проезд. В разрешении чего и прошу вообще всех владетелей... и всех жителей населяющих обширность шара делать ему возможнейшее вспомоществование везде и во всяком случае... в проезде, в обороне, деньгами и всем прочим... Обязуюсь я изъявить благодарность мою целому свету с уверением моего дружества, почтения и должного с

моей стороны награждения. Во удостоверении чего подписываю сей паспорт собственною моею рукою... и прикладываю большую мою печать.

Борнео. Июля восемнадцатого дня тысяча семьсот семдесят восьмаго года, а от восшествия моего на престол четырнатцаго года» (лл.125-125 об.).

И. Тревога, готовя почву для своего перевоплощения, достаточно реалистично разыграл перед своим визави придуманную им историю, в подтверждение которой просил прислать к нему портного для пошива наряда «сообразно обыкновению своего отечества»; возил своего собеседника к золотых дел мастеру, которому он намеревался заказать «осыпанную драгоценнейшими бриллиантами корону» (лл.94 об., 98 об.); приглашал оказать ему помощь в выборе места в «окрестностях Монтмартра для постройки небольшого домика на подобие Сената» (л.96 об.); обещал представить его «герцогам Гиркусу и Ришелье» (л.95 об.); предлагал, как только «получит ожидаемую им некоторую знатную сумму от голландских банкиров», поехать с ним в его отечество для «принятия команды над войсками, ибо отец его, который занимал прежде сего означенный пост, по отъезде его скончался, и две державы соединились воевать против борнейского короля...» (л.97). В подтверждение всего вышеперечисленного и своего полного любезного расположения к Ванье И. Тревога вручил ему «токмо шелковую ленту тёмно-пурпуроваго цвету», которую он сам прежде «имел счастье носить» (лл.95 об.-96). Получив столь бесценный подарок-награду, аббат готов был следовать за своим благодетелем хоть на край света, хоть в мятежную Азию, хоть в заснеженную Россию, т.к. «...желает он всегда не разлучным быть со мною» (л.98 об.).

21 мая 1783 года «стряпчей Парламента, королевской советник и парижской юстиц коллегии комиссар» Петр Шенон и «Королевской советник и Полицмейстер» господин де Лонгпре взяли показания у тридцатидевятилетнего золотых дел мастера Жана Мари Вальмонта. Он рассказал, что И. Тревога, представившись «поверенным в делах некотораго Азиатского принца», сначала попросил изготовить свинцовые модели по принесенным с собой рисункам, а затем «два серебряных листа для государственнаго ордена», обещая в скором будущем увеличить заказ до сорока листов. В подтверждение своей кредитоспособности заказчик купил у Вальмонта пару запонок ценою в пятнадцать франков и оставил задаток: «Попорченную столовую серебряную ложку и медаль с изображением портрета Ея Императорскаго Величества Государыни всея России» – общей стоимостью около тридцати ливров. Вся же цена заказа, по вычислениям мастера, равнялась сумме в сто луидоров. Именно данное обстоятель-

ство и подтолкнуло Вальмонта пойти в пансион с целью выяснить у хозяев платежеспособность своего клиента и более подробно разузнать о его личности» (лл.119-120).

В этот же день был допрошен еще один свидетель по делу русского арестанта. Во время своего первого допроса в Бастилии И. Тревога упомянул имя трактирщика, у которого он жил одно время в Севе – одном из предместий Парижа, в феврале. Данный постоялец очаровал сорокавосьмилетнего Карла Приено своими манерами и рассказами про «некоторых довольно значущих в России людях», о многих из которых трактирщик слышал и ранее во время своего восьмилетнего пребывания в России. И. Тревога представился ему дворянином из «Белгородской губернии состоящей в Украине». Когда же он стал кадетом, то «старанием Графа Разумовскаго получил дозволение от Всемиловейшей Государыни ехать на три года во Францию для обучения французскому языку и математике с производением на каждой год по шести сот рублей...» (лл.121 об.-124 об.).

Значимые противоречия и расхождения в показаниях подследственного и свидетелей вызвали явное недоумение у следователей и крайнюю озабоченность у русского посла.

По условиям достигнутой договоренности между русским посланником и французскими властями И. Тревога давал свои показания в Бастилии в письменной форме. Всего в деле представлены материалы трех допросов. Начальный из них озаглавлен: «Первый допрос, или показания о себе»¹⁶; следующий – «Второй допрос. Допрос сделанный по королевскому указу в Бастильском Замке, через Петра Шепона адвоката парламентского Советника Королевскаго и парижской юстиц коллегии Коммисара Ивану Тревогину задержанному под стражею в упомянутом замке по указу Его величества, по учинению им присяги в показании истинны. 1783 года 17 мая в субботу по утру»; третий – аналогичный второму с указанием даты «1783 года 22 мая в четверг по утру» (лл.100, 112, 126).

В целом материалы этих допросов представляют собой изложение И.Тревогой все той же «замысловатой сказки» о том, что он является наследным принцем «владельца Голкондского». Необходимо отметить, что арестант достаточно логично описывает перипетии «своей жизни», приводя множество второстепенных фактов, в подтверждение «истинности» этих показаний. Ему это не составляло особого труда, т.к. в его бумагах есть черновики неоконченного произведения «Нешастный принц восточный или жизнь Хольсава сына царя Голкондскаго» (лл.360-362) и утопического проекта «Царства Борнейскаго»

(лл.224 об.-238). Более того, по существу произведение и «Первый допрос», как отмечают исследователи, соотносятся между собой как полный текст и его конспект.¹⁷

Свое повествование, а именно так в силу изложения воспринимаются листы первого допроса, лжепринц начинает с характеристики «своего отца»: «Мизам-ел-Мулук довольно известный во всей восточной Индии как славными своими делами, так и браком с дочерью великого Могола...». Датой своего рождения он обозначает 29 июля 1761 года, которая полностью совпадает при учете разницы григорианского и юлианского календарей с настоящей датой, указанной И. Тревогой позднее в распросе в Тайной экспедиции «в 1761 году июля 18 дня».

Отец его, после смерти жены во время рождения второго сына, назначил опекуном над братьями «своего зятя Отомата» по той причине, что находился «в крайней печали, от которой сделавшись он смертельно больным». Вскоре после смерти отца братья оказываются в тюрьме, а затем их продают «персидскому купцу производившему свою торговлю рабами». Одновременно с принцами Голкондское королевство покинули и все их родственники, кроме сестры – жены нового правителя.

Работорговец уступил свой бесценный товар «правителю Кеды», который желал присоединить к своим владениям и «Голкондское королевство» (лл.100-101). Мальчику, которым отроду было двенадцать и одиннадцать лет, «кедский король» даровал «чины калихана с большими доходами» и ввел в «диван или в первой Государственной Совет». За это он просил одобрить планируемую им войну против их родины и получил отказ. «Хотя я не навидел моего зятя, но любил отечество мое, мою сестру а особливо лаская себя надеждою быть когда нибудь Голкондским Самодержцем; тех же самых мыслей был и брат мой...» (лл.101 об.-102). Опасаясь преследований со стороны «Кедского короля», братья бегут в Дамаск к «Баха Али бею», который с радостью их принял и дал «чины бунчучных». Новый покровитель взял их с собой в военный поход против России.¹⁸ Во время одного из боев на реке Дунай, когда «великой фельдмаршал России называемой Румянцов атаковал», войска Али бея потерпели сокрушительное поражение. Лжепринц печально констатирует: «Здесь лишился моего брата, а сам взят в полон... и послан в Россию в Харьков, который назначен был для нашего заключения» (лл.102 об.-103). Пленники жили на квартирах и получали от «Ея Императорскаго величества все одеяние и прочия жызненные вещи». Одним из знакомых принца Толонды (этим именем И. Тревога подписал свои

показания) становится «губернатор Щербинин», который советует ему обучаться русскому языку и другим некоторым наукам. Толонде столь понравилось в России, что он даже «не хотел возвращаться в Турецию». Щербинин определил его в училище. А когда он выучил русский язык – то посоветовал ему «принять греческую веру, и сам был крестным отцом» (л.103).

По прошествии трех с половиной лет обучения решил он – как повествует Лжетолонда далее – искать службу в Санкт-Петербурге при Сенате. Для этого он обратился к «губернатору» за паспортом и рекомендациями, которые вскорости и получил. Выправив документы и имея у себя более тридцати тысяч Левков, поехал в российскую столицу. По пути, а точнее в Твери, он ограблен был своим слугою и прибыл в Санкт-Петербурге «с великою нуждою, нещастием и бедностью» (л.103).

Искусно переплетая реальность и выдумку, Тревога заявляет, что поначалу он явился к генерал-прокурору и, после его ознакомления с рекомендацией Щербинина, был принят в сенатскую службу (л.103 об.). Однако, в силу отсутствия жалованья, «ибо уже до двадцати человек было сверх комплекта», которое планировалось получать лишь через год, вынужден был искать «партикулярной службы» в типографии корректором. Определившись с местом службы и получая жалованье «во сто пятидесяти рублях на год, жил я с умеренностию весьма благополучно». Все это неожиданно закончилось после разговора с одним греческим купцом, который сообщил ему о том, что его брат жив и находится в Стамбуле. Толонда уволился от службы и поехал в Харьков, где губернатор Наров выдал ему «пашпорт для выезде из России в которой находился... более четырех лет». (л.104-104 об.).

Далее И. Тревога переносит свое «повествование» в Турцию. Он пишет, что когда прибыл в Стамбул – то брата там не застал. Отсутствие денег заставило его «ходить на публичное место, на котором всегда берут рабов, для служения Султану». Он был замечен и приведен во дворец. Начальник евнухов определил ему прислуживать в Серале «вне женских покоев». Фантазируя дальше, И. Тревога вставляет в свой рассказ любовную историю: «Поелику вход в Серал мне не был запрещен, то я и влюбился в дочь Алепского баха, которая говорила нашим языком и меня весьма любила» (л.104 об.). Встречи влюбленных прекратились, как только «первая Султанша» обнаружила в покоях наложницы постороннего. Убоявшись того, что будет схвачен на месте, молодой повеса бежал, забыв взять с собой возлюбленную. «По силе законов... дерзнувший влюбиться в любовницу Султана, или...

разговаривать с нею о деле не относящемся к службе, или войти в ее покой, должен быть удушен на том самом месте...». Добравшись до причала, он уговорил капитана одного из кораблей спрятать его и вывезти из страны (л.105).

Сначала Толонда прибывает «в Ливорну», оттуда перебирается в Рим, а затем «в Женев», из которого переезжает в Париж. Далее И. Тревога и вовсе представляет французским следователям замысловатый рассказ о своих приключениях, где фигурирует Мальта, кораблекрушение у берегов «Нигриции», служба в «Королевстве Тамбута», участие в войне «с Кассинскими народами», побег от «черных людей», Амстердам, Гаага и, наконец, Роттердам (лл.105 об.-107 об.).

Осознав в какой-то момент, что нельзя писать одну только ложь, И. Тревога повествует о своей службе на военном корабле под именем «Ла Фудре», побеге с него, суде, наказании и отставке от службы. При этом упоминаются как настоящие, так и вымышленные имена: «Оранжевый принц», который помог избежать ему сурового наказания; некий господин «Петр де Клос», который доставлял ему «сведения о брате»; «начальник под солдатами... француз Салгарий», с которым он якобы познакомился еще в Санкт-Петербурге. Именно последний, со слов бастильского арестанта, рассказал ему: «...много о переменах в России, между коими сказывал и историю о знатном Иване Тревоге, коего принял я имя с тем только, что переменял имя Тревога на Тревогина» (подчеркнуто в материалах дела лл.108-109 об.).

О своем пребывании в Париже, которым особо интересовался комиссар П. Шенон, лжепринц рассказал, что по приезде во французскую столицу он обратился к русскому послу князю Борятинскому, «пришедши к нему представил себя ему как несчастнаго россиянина, который взят был в полон некоторым народом и прочая в той надежде, что уже никогда не найду моего брата, и что будучи в России могу легко пройти в Персию, или к великому Моголу...» (л.110). Однако вскоре он меняет свои планы, т.к. ему якобы удастся найти «своего брата» и они решают вместе отправиться из Парижа «в Персию к Королю, или к великому Моголу, или в Борнео, где ныне обретается наша сестра». Чтобы осуществить данное намерение, нужны были деньги, и поэтому его брату предстояло совершить поездку в Голландию к некоему купцу И.В. Борнемману, который обещал голкондскому наследнику тысячу червонцев. «По сей причине послал я брата моего к нему...для принятия денег и для нанятия там... корабля, который идет в восточную Индию». Вместе с ним должен был ехать и старый знакомец Клос, которому Толонда отдал все свои

деньги в количестве десяти луидоров. «Сия то причины ради унес я тарелку со всем прибором из пенсиона», – писал далее бастилийский затворник (л.110 об.). После их отъезда пришло ему на ум «убрать себя как должно; и для того заказал сделать себе платье, ордена и другия знаки, котория я нарочно сам поделал, и которые никому не приличествуют. Но бог не дал еще времени чтоб быть благополучну...» (л.111).

В конце своих показаний по первому допросу, вероятнее всего с целью расположить к себе следователя, «голкондский принц» патетично пишет следующее: «О небо! Желал бы я лучше чтобы ты окончило здесь жизнь мою: ибо сие есть истинное освобождение от всех несчастий и от всех нужд». Неизвестно, насколько это было искренним. Одно несомненно – на опытного королевского советника П. Шенона они не произвели никакого впечатления. И даже призыв к нему арестанта: «...нежели я не достоин вашего прощения, то обещайте мне смерть, которая для меня драгоценнее жизни моей» – комиссар воспринял с должным хладнокровием. За всем этим заподозрил он лишь уловку и стремление к сокрытию истины и избежанию наказания.

Из данных следственного дела, письменных и устных показаний, набросков «Истории о восточном принце» можно сделать вполне определенный вывод о том, что И. Тревога мало был знаком с историей Индии и слабо представлял современное ему положение дел на полуострове Индостан. Султанат Голконда прекратил свое существование в 1687 г., когда был присоединен к Могольскому государству падишахом Аурангзебом. В начале 60-х годов XVIII в. при распаде империи Великих Моголов на территории Голконды возникло княжество Хайдарабад, во главе которого встал бывший могольский наместник в Декане Чин-Килич-хан. Называя «своего отца» Мизам-ел-Мулук или Мизамел-Мулук, И. Тревога, вероятно, и не подозревал, что произвел это имя от титула Чин-Килич-хана - Низам-ул-мульк, который он передал своим наследникам.¹⁹ И ни как не мог быть его отцом Аурангзоб (л.468), правнук третьего могольского императора Великого Акбара, т.к. он умер в 1707 г.²⁰

Напрасно выдавал себя И. Тревога и за внука делейского повелителя, т.к. и у Аламгира II, и у Алам-шаха с правителями Хайдарабада были крайне нестабильные, а временами враждебные отношения,²¹ да и неясно – как же звали «его мать» по этой легенде? То ли Амалисса (л.112 об.) то ли Алебеса (л.360)? И не мог его «отец» отдать ей во владение «Бангурскую землю» (л.362), т.к. город Бангалур был на территории государства Майсур, как правило, враждебно настроенного в отношении низама. О действительном же состоянии дел

в этом регионе в Париже хорошо было известно из донесений и докладов Ш.-Ж.П. де Бюсси, Т.А. Лалли-Талландаля²² и др.

Наряду с этим и все остальные экскурсы И. Тревоги исторического и географического характера не выдерживают никакой критики. Возможно, это результат недостаточного образования или же влияние развлекательного чтива того времени. «Одним из прямых литературных источников мог послужить для Тревоги роман Ф. Эмина «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда», второе издание которого вышло незадолго до его прибытия в Петербург, в 1781 г.»²³

Как бы то ни было, но все это вызывало у французских властей большие подозрения и крайне негативную реакцию. Вот как характеризовал И. Тревогу позднее парижский полицмейстер титулярному советнику Обрезкову, которого русский посол определил арестанту в приставы до Санкт-Петербурга: «Вы имеете в руках человека умнаго и хитраго... Я конечно много видел людей в положении сего... но такового холоднаго духом и твердостию еще не видывал» (л.42).

Из всего вышеизложенного И. Тревогой можно сделать вывод, что он во время написания данных показаний еще до конца не осознал всей сложности своего положения и тех обвинений, которые вскоре ему будут предъявлены. Выдавая себя за голкондского принца Нао Толонда, он старался избежать смертной казни и отвести подозрения в причинении какого-либо политического ущерба Франции и России.

Материалы второго и третьего допросов представлены в деле как опросные листы. Заключение давал ответы на представленные ему вопросы. Все это фиксировалось, а затем подписывалось сначала отвечающим потом следователем. Второй допрос, как показывает анализ вопросов, преследовал следующие цели: во-первых, определить происхождение и родственные связи подсудимого; во-вторых, выяснить, в каких странах как долго он был и в каком качестве; в-третьих, установить круг общения и знакомств в разных странах; в-четвертых, выявить, на какие средства жил и что планировал предпринять в скором будущем. Помимо этого следователя особо интересовал вопрос об орденах, которые И. Тревога заказал ювелиру. В отдельный блок выделяются вопросы, связанные с выяснением, какими языками владеет бастилийский узник. Третий допрос касался вопросов, связанных с обнаруженными во время ареста всевозможными бумагами и письмами подсудимого.

Необходимо особо отметить, что И. Тревога во время допросов в Бастилии проявил себя как великолепный рассказчик и эрудит, как виртуозный лгун и искусный манипулятор. Перемене-

жая ложь и истинные события, которые ему пришлось пережить, он нарисовал перед следователем Шеноном логически выверенную, детализированную картину своей вымышленной судьбы. С военными баталиями, заговорами, романтической любовью, тюремными заключениями, побегами, кораблекрушениями, предательствами, бескорыстной дружбой и всепоглощающей братской привязанностью.

Уже ответ на первые вопросы об именах, под «какими был он известен в разных королевствах», показывает нам, что Тревога идет на усложнение представленной им в своих письменных ответах сконструированной биографии. «Я был в Персии, Турции, в России известен под именем Нао Толонда до моего крещения, а потом под именем Петр Голконд, во Франции и Мальте под тем же именем, в Голландии под именем француз Ла Фудре, и во Франции в другой раз под именем Иван Тревогин» (л.112). Выдавая себя за крещеного басурманина, И. Тревога тем самым, во-первых, старался придать большую правдоподобность своим показаниям о пребывании в России; во-вторых, логически обосновывал свое обращение в русское посольство; в-третьих, пытался вызвать христианское сострадание у следователя.

Сообщает дополнительные сведения «Петр Голконд» и о своих родственниках. «Отец мой Мизамел-мулук... умер в 1765 году. Мать моя называлась Амалисса... умерла в 1764 году; брат мой называется Половд... а сестра моя называется Мела, которая находится в Борнео в замужестве за королем сея земли» (л.112 об.). Слова о сестре вызвали у П. Шенона недоумение: каким образом она может быть одновременно замужем и за правителем Голкондии Отоматом, о чем ранее говорил заключенный, и быть женой короля борнейского? Поняв, что попал впросак, лжепринц пространными рассуждениями про местные обычаи попытался снивелировать свои показания. «По нашему обычаю можно иметь столько наложниц, сколько кто хочет, однако должно иметь единою только жену... Притом выдают в замужество девиц пяти и восьми лет во ожидании совершенного их возраста. Таким образом и сестра моя была еще малолетна, когда отец мой... выдал ее в замужество за короля Ориксаго... Но когда он нас выгнал... а равно родственников и приятелей наших. То по сей причине и сестра не хотя более с ним жить пошла к своему отцу...». Под «своим отцом» И. Тревога подразумевал скорее всего отца мужа – т.е. свекра, так как «родной отец» к этому времени уже скончался. Видимо, растерявшись и осознав, что дальнейшие его выдумки по поводу сестры могут окончательно завести в тупик, он категорично заявляет: «...а каким образом я и сам того не знаю, а я сказываю

только то, что слышал» (л.113).

По поводу своего пребывания в разных странах и королевствах лжепринц могольского падишаха практически не сообщил ничего нового. Круг европейских и русских знакомых он расширил лишь ничего не значащими именами «своих слуг», которые невозможно было проверить. Источником своих финансовых поступлений лжепринц обозначил жалованье, которое получал во время той или службы, начиная от «королевского советника в Кедском королевстве» и заканчивая «тередарщиком в России». Не совсем понятно, почему указанная ранее должность корректора здесь обозначена как тередарщика – т.е. печатника.²⁴

На вопрос: какие имеет он проекты? – последовал следующий ответ: «Мои проекты состоят в том, чтобы возвратиться... к Великому Моголу, которой мне доводится дед... и склонить его к уступке мне Голкондского королевства которого он ныне сделался владетель, убив на войне моего зятя... обещал мне.. но я его просил чтоб мне остаться несколько в Париже, дабы нам вместе с братом соединиться». И здесь вновь возникает противоречие с предыдущими показаниями, т.к. И. Тревога в них указывал, что планировал ехать на Борнео.

С поразительной ловкостью мнимый новокрещенец Петр Голконд уходит от обвинения в том, что заказал изготовление наград, очень схожих с российскими. Он говорил: «... заказал сделать ордена с тем.... чтобы показать как должны оные делать. Поелику у нас нет таких художников, – и далее, – я заказал сделать оные, чтоб ввести моду у нас носить сии украшения: ибо государь нашей земли не носит оных ныне» (лл.114-117 об.).

Наибольшую изворотливость, изобретательность и даже талантливость «замысловатый бродяга» проявил при выяснении вопроса: «Многими ли он языками говорит?» Не подозревавший подвоха И. Тревога заявил: «Я говорю совершенно матерним языком (т.е. на том, на котором говорила его мать – Р.К.), языком авоадским, по русски, несколько по французски, языком коптическим и несколько по голандски, язык голкондский, который несколько походит на персидский» (л.113 об.). Но каково же было его удивление когда к нему в камеру пожаловал лучший парижский переводчик азиатских языков и попросил его продемонстрировать свои языковые знания. Тревога написал несколько десятков строчек разными «азиатскими письменами», но отказался их перевести. Переводчик стал задавать ему вопросы «разными азиатскими языками», но заключенный отвечал ему только по-французски. По результатам проведенной экспертизы «переводчик ориентальных языков» сделал

следующий вывод: «...сей бродяга конечно россиянин, а по наречию... он запорожский козак» (л.38 об.-41). В следственном деле представлена также «грамматика Тревогинова языка» и образцы текстов на выдуманных им языках.²⁵

Третий допрос И. Тревоги в Бастилии касался изъятых у него при аресте «письма писанного им на русском языке и латинским характером» к некоему французу Салгари: «Благодарение богу... мы заняли денег пятьсот тысяч гульденов, помощью коих нашел я двух инженеров, двух архитекторов, землемеров, одного директора и сто солдат с пятью офицерами, коих всех послал я к назначенному месту снабдив их... инструкцией и планом города с крепостью, которой приказал я делать... под именем Иоганния приняв титул короля борнейского и купив там некоторую часть земли» (л.126-126 об.). У комиссара П. Шенона данные строчки вызвали определенно-го рода опасения, и поэтому он решил еще раз допросить странного русского арестанта. В целом ответы «короля борнейского» свелись к следующему: во-первых, деньги он хотел занять у саксонского купца В. Борнеммана; во-вторых, солдат планировал «купить как рабов на острове Борнео»; в-третьих, что с офицерами он вел переговоры будучи в Голландии; в-четвертых, никаких инженеров, архитекторов и др. – «никого еще не нашел»; в-пятых, подготовленные инструкции касались лишь постройки крепости; в-шестых, титул короля борнейского еще не принимал и землю на острове еще не купил, но ее обещали дать брату моему «которой был там у любезной нашей сестрицы» и т.д. (л.127-129 об.). Ссылаясь на то, что письмо это не отправлено и показывает лишь намерения, а не деяния, И. Тревога отвел от себя если не подозрения – то по крайней мере прямые обвинения в неправомочных действиях на территории других государств, в частности, в деле вербовки наемников.

По результатам допросов, французские власти сделали вывод, что И. Тревога вероятнее всего неопасен французской короне. Но в то же время он представляет большой интерес для русских органов политического сыска. «При выходе из Бастилии в Записном Журнале он Тревогин подписался тако: Pirre d'Holkhonde» (л.42 об.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Светлов Л.Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т.XX. Вып.4. Июль-август. М.: АН СССР, 1961.

² Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII-начало XIX века). М., 1983. С.221-235, 322-340; Топорков А.Л. История Ивана Тревоги // Публицистика и исторические сочинения пе-

риода феодализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. С.246-276; Дмитриева Е.Е., Топорков А.Л. Авантюрная биография И.И. Тревогина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1990. М.: Круг, 1992. С.49-75.

³ Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: «Искусство-СПб», 2007. С. 84-86.

⁴ РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2631. Далее все сноски на это дело даются в тексте с указанием листа в круглых скобках.

⁵ Орден святого апостола Андрея Первозванного был учрежден Петром I в 1698 г. и являлся высшим в Российской империи. Знаком кавалеров Ордена было «изображение святого Андрея», распятого на синем кресте, с двуглавым орлом на тыльной стороне. Дополнительным знаком была серебряная восьмиконечная звезда с крестом на золотом поле в центре. Знак ордена в особо торжественных случаях носился на цепи ювелирной работы, на которой изображен был девиз «За веру и верность». Коронованным особам и членам царской фамилии этот орден давался автоматически. См.: Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука. 1991. С.191, 192, 205; Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII - начала XIX века // Из истории русской культуры. Т.IV (XVIII-начало XIX века). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.190.

⁶ Рисунок данной печати опубликован. См.: Дмитриева Е.Е., Топорков А.Л. Указ соч. С.60.

⁷ В статье Е.Е.Дмитриевой и А.Л.Топоркова представлен другой перевод – «И воистину». См.: Там же. С.63.

⁸ Светловский А.В. «Кресту твоему поклоняемся...». История, символика и формы православного креста. 2-е издание. М.: Древлехранилище. 2007. С.50.

⁹ Шейнин Е.Я. Энциклопедия символов. М.: Издательство АСТ. 2001. С.14.

¹⁰ За веру, родину, верность и за любовь (латынь).

¹¹ Ордена в то время не выдавались официальными инстанциями – давалось лишь право на их ношение, а затем награжденный сам заказывал его изготовление. Поэтому кавалер мог по собственному вкусу менять величину ордена, а иногда и так или иначе украшать его. Самовольное украшение орденских знаков драгоценными камнями было запрещено лишь указом Павла I в 1797 г. См.: Лотман Ю.М. Указ соч. С.189; Шенелев Л.Е. Указ. соч. С.197.

¹² Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVII. Русско-французские отношения: 1774-1792. М.: Наука, 2001. С.116.

¹³ Там же. С.58.

¹⁴ 24 апреля 1783 г. И.С. Борятинский писал Екатерине II: «Я болен тринадцатый день подагрой и не могу еще не только выезжать, но и ходить свободно...». Цит. по: Черкасов П.П. Указ. соч. С.116.

¹⁵ 27 июня 1783 г. Екатерина II высочайше повелела генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому вручить господам Лонгпре и Леноару «среднего сорта золотые медали на открытие монумента Государя императора Петра великаго» (л.146) за помощь, старание и усердие в столь противоречивом и неоднозначном деле. Но распорядилась сделать не от своего имени, а по ведомству Бергколлегии. Это вызвано было, скорее всего, нежеланием русской императрицы дать хоть малейший повод министру иностранных дел Франции Вержену использовать эту историю в своих целях.

¹⁶ Именно данный текст Е.Е. Дмитриева и А.Л. Топорков полностью приводят в своей работе вместе с французской версией и характеризуют как автобиографический.

- См.: *Дмитриева Е.Е., Топорков А.Л.* Указ. соч. С.49, 64-75.
- ¹⁷ Там же. С.57.
- ¹⁸ Если И. Тревога имел в виду мамлюкского правителя Али-бея, который в союзе с кайситским шейхом Дагиром захватил Дамаск в 1769 г., то он воевал против Турции, а не против России. См.: *Всемирная история в десяти томах.* Т.V. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. С.231, 233.
- ¹⁹ *Новая история Индии.* М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С.12, 76, 81 и след.
- ²⁰ *Бэшем А.Л.* Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977. С.505
- ²¹ *Аишафян К.З.* Дели: история и культура. М., 1987. С.194-195.
- ²² См.: *Всемирная история в десяти томах.* Т.V. С.282-283. Скорее всего, как верно отмечают Е.Е. Дмитриева и А.Л. Топорков, толчком для фантазий И. Тревоги послужило знакомство с русским переводом повести С. Буффлера «Алина, королева Голконды», опубликованным в 1780 г. См.: *Дмитриева Е.Е., Топорков А.Л.* Указ. соч. С.56.
- ²³ Там же. С.55.
- ²⁴ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М.: Русский язык. 1991. С.400.
- ²⁵ *Дмитриева Е.Е., Топорков А.Л.* Указ. соч. С.68-74.

**«SOPHISTICATED WANDERER»
(THE INVESTIGATIVE CASE OF IVAN TREVOGA – THE PRISONER OF THE BASTILLE)**

© 2011 R.V. Kaurkin

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

In 1783, after moving to Paris, I. Trevoga, a Russian subject, started pretending to be the prince of Golkonda. Later he was imprisoned in the Bastille and then transferred to the Secret Senate Police of Saint Petersburg. The present article is devoted to the analysis of the case of I. Trevoga, found in the Russian State Archive of Ancient Acts.

Key words: I. Trevoga, Bastille, Secret Senate Police, Russian ambassador prince I.S. Boryatinsky, king's councillor de Longpre, commissioner P. Chenon, lieutenant-general of police Lenoir.